

Глава 7. Мяу

У Цзин Чжи скрутило желудок. Будь на том конце провода кто-то другой, он бы решил, что это дурная шутка. Но с полицейскими не шутят. Рука, в которую была воткнута игла капельницы, невольно легла на живот.

— Вы уверены, что не ошиблись? — медленно проговорил он, тщательно выговаривая каждое слово. — Я гей. У меня был всего один партнёр. Детей у меня быть не может.

В нём всегда жил дух противоречия: чем яростнее семья отвергала его сущность, тем меньше он её скрывал от посторонних. Так было проще — те, кто оставался рядом, зная правду, были надёжнее. На первом курсе он не сразу признался соседям по комнате. Когда правда случайно вскрылась, один из них оказался ярым гомофобом. После череды скандалов и мелких пакостей Цзин Чжи подал заявление о переводе. По иронии судьбы, на третьем курсе его поселили в общежитие для магистрантов, где его соседом стал Цзян Суйфэн, тогда только поступивший в магистратуру.

Полицейский на том конце провода, очевидно, не ожидал такого ответа. Признаться, когда он понял, что «папа», о котором говорил малыш, — это господин Цзин, он и сам растерялся. Дело принимало всё более странный оборот. А теперь, услышав признание в нетрадиционной ориентации, он мысленно нарисовал себе целый калейдоскоп мыльных опер. Впрочем, долг полицейского — опираться на факты, а не на домыслы.

На обоих концах провода воцарилось неловкое молчание, которое спустя несколько секунд нарушил тихий, дрожащий от сдерживаемых слёз голосок:

— Папа...

Полицейский очнулся от размышлений и посмотрел на малыша, который с надеждой и слезами на глазах смотрел на него.

— Э-э, господин Цзин, где вы сейчас находитесь? Может, я привезу его к вам, и мы поговорим на месте?

Через несколько минут полицейский уже нёс Цзин Мими из детского корпуса в гастроэнтерологический. Они находились совсем рядом, и поездка на лифте заняла всего мгновение. В спешке полицейский не успел вытереть слёзы с лица малыша, и когда дверь палаты открылась, тот выглядел совсем жалко: личико сморщилось, мокрые ресницы слиплись, а глаза покраснели так, что, казалось, вот-вот опухнут.

Цзин Чжи полулежал на кровати и отрешённо смотрел в пустоту. Когда их взгляды встретились, сморщенное от плача личико малыша мгновенно просияло, а в глазах зажглись яркие искорки.

— Папа.

Цзин Чжи не ответил, но всё же поднялся с кровати и, подойдя к соседней койке, попросил у сидевшей там пары несколько бумажных салфеток. На соседней койке лежал парень, а девушка пришла его навестить. С того момента, как Цзин Чжи по телефону сказал, что он гей, они время от времени бросали на него любопытные взгляды, но без всякой злобы — лишь простое любопытство. Времена менялись, и молодые люди становились всё более терпимыми.

Взяв салфетки, Цзин Чжи посмотрел на малыша, которого полицейский уже усадил на его кровать. Поколебавшись мгновение, он всё же подошёл и принялся осторожно вытирать слёзы с его щёк. Вскоре заплаканное личико стало сухим и чистым.

Янтарные глаза смотрели на него так пристально и выразительно, словно пытались что-то сказать.

Когда-то давно на него так же смотрела другая пара похожих глаз. И он, не задумываясь, называл себя перед ней «папой».

«Мими, иди к папе на ручки».

«Мими, папочка тебя поцелует».

«Мими, мой самый любимый котёнок».

...

Нет, этого не может быть. Он просто сходит с ума. Скорее всего, малыш очнулся и увидел, что он о нём заботится, вот и привязался. Или у него жар, от которого путается сознание, — у детей такое бывает.

Он был убеждённым материалистом. В детстве он некоторое время жил в деревне и вместе со своим другом Фан Юанем облазил все окрестности, даже ночью ходил через кладбище. Он никогда не верил ни в призраков, ни в переселение душ. К тому же этому ребёнку на вид года три-четыре, разве можно переродиться в таком возрасте?

Вот если бы одержимость... Стоп, одержимость?

В его сознании против воли пронеслись все события с момента находки малыша. Светло-жёлтые волосы, янтарные глаза, привычка скрести простыню перед тем, как пойти в туалет, до странности похожее мякунье...

Цзин Чжи плотно сжал губы, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

— Я не твой папа, — сказал он, силясь сохранить спокойствие. — Мы даже не знакомы. Не нужно называть меня так. Скажи нам, как тебя зовут, и мы поможем найти твоих настоящих родителей.

Говоря это, он в глубине души отчаянно надеялся услышать возражение или хоть какое-то объяснение.

Но ответа не последовало.

Вместо этого он почувствовал, как что-то тёплое прижалось к его животу через ткань больничной пижамы. Малыш снова молча обнял его, отказываясь отвечать.

Хотя Цзин Мими и понимал, что папа не узнаёт его в человеческом облике, ему всё равно было немного обидно. Он — его папа. Кошачий Бог куда-то исчез, и никто не подсказал ему, что делать. Превратившись в человека, котёнок растерялся и мог лишь следовать зову сердца — быть ближе к папе.

Но он помнил наказ Кошачьего Бога: нельзя признаваться, что он кот. Поэтому он просто крепко обнял папу за талию и уткнулся лицом ему в живот. Когда он был котёнком, он обожал

зарываться в папины объятия. Иногда, когда приходили гости и пытались его потискать, он, не желая общаться, прятал мордочку у папы на груди. Теперь, став человеком, он не изменил своим привычкам.

В любой непонятной ситуации — прячь лицо.

Цзин Чжи невольно посмотрел на стоявшего рядом полицейского. Тот тоже смотрел на него. Их взгляды встретились, и полицейский негромко произнёс:

— Господин Цзин, боюсь, нам придётся сделать ДНК-тест.

— ...Хорошо, — выдохнул Цзин Чжи.

В полицейском участке можно было сделать срочный анализ, но даже так результатов пришлось бы ждать не меньше половины дня. Зимой темнело рано, на улице снова повалил снег. Приближался Новый год, и повсюду царил суеда. В больнице тоже было оживлённо, но это оживление было тихим, подавленным и гнетущим.

Поскольку Цзин Мими наотрез отказывался отходить от Цзин Чжи и, кроме слов «мяу», «хочу» и «папа», не произносил ни звука, полицейский, так ничего и не добившись, разрешил ему пока остаться в палате.

Цзин Чжи осторожно отцепил от себя малыша и несколько мгновений молча смотрел на него. Странно, но этот ребёнок, доставивший ему столько хлопот, совсем его не раздражал. Так же было и с Мими. Когда он только подобрал его, котёнок был грязным, больным, слабым, капризным и невероятно приставучим, но забота о нём приносила лишь радость.

Подозрения, зародившиеся в его душе, никуда не делись, но в присутствии полицейского он не решался спрашивать у малыша, не вселился ли в него дух Мими, — его бы точно сочли сумасшедшим. Его и так уже подозревали во всех грехах, а после такого вопроса стало бы только хуже.

Заметив, что мягкие волосы малыша растрепались, Цзин Чжи машинально протянул руку и поправил их. Цзин Мими решил, что папа, как и раньше, гладит его по голове, и счастливо сощурил глаза. Жаль только, что человеческое горло не умеет издавать довольное мурчание.

Стоявший рядом полицейский, видя эту сцену, не удержался и тоже протянул руку, чтобы погладить малыша по голове. Он всегда любил детей, а этот хорошенький и милый ребёнок просто растопил его сердце.

Но Цзин Мими тут же открыл глаза и с недоумением, даже с лёгким недовольством, посмотрел на него. Из-за чужой руки папа перестал его гладить.

Полицейский неловко отдернул руку и посмотрел на Цзин Чжи. Тот на мгновение замер, а затем, словно что-то поняв, снова осторожно провёл рукой по голове малыша. Цзин Мими снова засиял от счастья.

Полицейский: «...»

Цзин Чжи: «...»

Цзин Чжи молча убрал руку и отвёл взгляд, боясь, что если продолжит, его подозрения окончательно превратятся в уверенность.

Вскоре пришла сиделка, и полицейский ушёл. Это была женщина средних лет с добрым лицом. Она представилась сотрудницей приюта «Подсолнух» и сказала, что её прислал капитан Чэнь, чтобы присмотреть за ребёнком. Цзин Чжи не знал никакого капитана Чэня и не помнил, чтобы среди полицейских, с которыми он сегодня общался, был кто-то с такой фамилией. Впрочем, он не стал заострять на этом внимание. Малыш был слишком странным, и полиция, вероятно, теперь и его самого считала подозрительным. Сиделка пришла не столько ухаживать за ребёнком, сколько присматривать за ним самим.

Что ж, пусть проверяют. Он и сам хотел знать правду.

Сиделка попыталась поговорить с малышом, но, не получив ответа, переключила внимание на Цзин Чжи и участливо спросила, что с ним случилось.

— Ничего серьёзного, — коротко ответил он. — Проблемы с желудком. Сделали снимок, врач посоветовал гастроскопию. Нужно записываться, так что удобнее остаться в больнице, да и страховка покрывает часть расходов.

Сиделка понимающе кивнула.

— Сейчас у многих молодых людей проблемы с желудком. Наверное, из-за стресса на работе? Берегите себя.

Она казалась очень добросердечной. Цзин Чжи с улыбкой кивнул, ничего не ответив. В этот момент у сиделки зазвонил телефон. Мелодия — какая-то популярная песня старшего поколения — грянула так громко, что Цзин Мими вздрогнул и инстинктивно прижался к Цзин Чжи.

— Не бойся, это просто звонок, — тихо успокоил его Цзин Чжи.

Цзин Мими с любопытством посмотрел на телефон сиделки. Та взглянула на экран, тут же сбросила вызов и пробормотала:

— Опять мошенники, совсем замучили.

Цзин Мими внимательно наблюдал за происходящим. Когда он был котом, многое его интересовало, но кошачий разум не мог постичь всей сложности мира. Теперь, став человеком, он словно прозрел и начал понимать вещи, которые раньше были для него загадкой. Например, что по телефону можно разговаривать. Раньше большой папа часто звонил маленькому папе, и он слышал из трубки его голос. Или что звонить могут не только знакомые, но и чужие, а иногда и вот такие «плохие» люди.

Время шло, и Цзин Мими, прислонившись к Цзин Чжи, сладко зевнул. Он и так болел, а после слёз и всех переживаний окончательно выбился из сил.

— Устал, малыш? — заметила сиделка. — Пора умыться и спать.

Она принесла с собой всё необходимое: зубную щётку, пасту, тазик и полотенце. У Цзин Чжи не было опыта ухода за детьми, и за всё это время он лишь протирает малышу лицо и руки влажной салфеткой.

— Спасибо вам, — кивнул он сиделке.

Женщина взяла прильнувшего к Цзин Чжи малыша на руки и ласково сказала:

— Пойдём, тётя тебя умоет, а потом пойдёшь спать.

В глазах Цзин Мими мелькнула паника, но он быстро успокоился и не стал сопротивляться. Он помнил, как папы возили его в груминг-салон. Там его тоже брали на руки незнакомые дяди и тёти, уносили в другую комнату, мыли, а потом сушили феном, после чего его шёрстка становилась пушистой и мягкой, и папы долго его целовали. Он был котом, который любил мыться.

Человеческое умывание отличалось от кошачьего, но сиделка была терпелива, а Мими послушен, так что всё прошло гладко. Женщина работала со многими детьми и не раз встречала таких же молчунов, как Мими, поэтому не придавала его поведению особого значения.

Пока сиделка умывала малыша, Цзин Чжи взял телефон. Его друг Фан Юань сегодня не дежурил и, вернувшись домой после последней пары, решил расслабиться за игрой. Он был на год старше Цзин Чжи, ему было двадцать восемь, но в школу Цзин Чжи пошёл на год раньше, так что в средней и старшей школе они учились вместе. Цзин Чжи было двадцать семь, но благодаря материнской генетике и светлой коже он выглядел моложе. Соседи порой спрашивали, на каком он курсе и когда заканчивает университет.

Судя по всему, план Фан Юаня расслабиться с треском провалился. Он прислал скриншот с результатами матчей — сплошные поражения.

Фан Юань: [Бог Цзин! Бог Цзин! Ты нам нужен!]

Цзин Чжи был довольно известным игровым стримером, одним из лучших на своей платформе. Он специализировался на хоррорах и развлекательных играх и мог с лёгкостью освоить практически любую новинку. Пусть он и не был во всём профессионалом, но для такого новичка, как Фан Юань, его навыков было более чем достаточно.

Цзин Чжи сфотографировал свою руку с иглой капельницы и отправил другу.

Фан Юань: [?! Что с тобой??]

Цзин Чжи вкратце объяснил ситуацию.

Фан Юань: [Ну, гастроскопия — это хорошо. Будешь спокоен.]

Цзин Чжи: [Да. Только никому не говори.]

Фан Юань: [У меня нет контактов Цзян Суйфэна.]

Хоть он и был натуралом, но считал правильным держать дистанцию с партнёрами друзей.

Цзин Чжи: [...]При чём тут Цзян Суйфэн.

Цзин Чжи: [Я имел в виду, не говори своей маме. Она тут же расскажет моей.]

Они дружили с детства, и их матери тоже были лучшими подругами. Стоило одной что-то узнать, как тут же знала и вторая. А Цзин Чжи не любил расстраивать мать по пустякам, особенно после того, как повзрослел.

Фан Юань: [А, понял. Можешь не волноваться.]

Он прислал стикер с застёгнутым на молнию ртом, обещая хранить молчание.

Цзин Чжи поджал губы, его пальцы замерли над клавиатурой. Фан Юань видел, как вверху чата то появлялась, то исчезала надпись «печатает...», и лишь спустя некоторое время пришло сообщение.

Цзин Чжи: [Ты веришь в переселение душ?]

Фан Юань: [?]

Цзин Чжи: [Ну, что душа животного после смерти может вселиться в ребёнка.]

Фан Юань: [...]

Фан Юань: [Я знаю, что ты самый популярный стример хоррор-игр на платформе «Кошачий хвост», но не мог бы ты в такое время говорить о чём-то более приземлённом?]

Цзин Чжи: [Ты что, забыл, как мы с тобой в детстве по ночам через кладбище ходили? Когда ты таким трусом успел стать?]

Фан Юань: [В детстве мы были глупыми и ничего не боялись. А теперь я боюсь всего: призраков, людей, бедности...]

Цзин Чжи не хотел спорить и перешёл к главному.

Цзин Чжи: [Я думаю, в ребёнка, которого я вчера подобрал, вселился дух Мими.]

Фан Юань долго молчал. Когда Цзин Чжи уже начал терять терпение, он прислал скриншот с контактами.

Фан Юань: [Это очень хороший психотерапевт в городе А. Как только тебя выпишут, я отвезу тебя к нему.]

Цзин Чжи: [...]

Опасения Фан Юаня были не беспочвенны. Он смотрел некоторые стримы Цзин Чжи и знал, что в хоррор-играх полно всякой чертовщины. Он решил, что друг просто не может смириться с потерей кота и начал путать реальность с игрой.

Цзин Чжи принялся перечислять все факты, которые навели его на мысль о связи малыша с Мими.

Фан Юань: [Я видел фото, цвет его волос немного темнее, чем шерсть Мими. Это не такой уж редкий цвет. Может, он метис или у него какая-то болезнь. У нас в университете есть девушка со светло-жёлтыми волосами. Я сначала думал, что она их красит, а потом оказалось, что это её натуральный цвет.]

Фан Юань: [Мяуканье — это вообще не аргумент. Ты же сам сказал, что сначала звук раздался из планшета той девочки. Дети в этом возрасте всё повторяют. Мой племянник целыми днями лает, причём очень похоже. Один раз на прогулке он минут десять перелаивался с какой-то собакой, я чуть со стыда не сгорел.]

Фан Юань: [А помнишь, ко мне как-то на улице подбежал ребёнок и назвал меня папой? Я сначала думал, он просто не разглядел меня, но когда я присел и сказал, что он ошибся, он всё

равно продолжал называть меня папой. Просто у него плохое зрение.]

Фан Юань: [А то, что он скребёт простыню... Мне кажется, у этого ребёнка просто какие-то врождённые проблемы. Его так долго никто не ищет, может, его просто бросили? У меня в соседней группе есть студент, которого родители оставили из-за врождённого заболевания. Его подобрала и усыновила другая семья, они о нём хорошо заботились, и теперь он почти здоров.]

Объяснения Фан Юаня были логичными и убедительными, но последнее слово — «бросили» — лишь усилило странное чувство в груди Цзин Чжи.

Мими ведь тоже был брошенным.

Цзин Чжи: [Всё, я больше не могу. Я собираюсь это проверить.]

Фан Юань: [...?]. Кажется, он зря столько печатал.

Фан Юань: [И как же ты собираешься это проверить?]

Цзин Чжи: [Спрошу напрямую.]

Вскоре сиделка привела умытого малыша и, передав его Цзин Чжи, сказала:

— Я тоже быстро умоюсь.

Цзин Чжи кивнул. Как только дверь ванной закрылась, он, не в силах больше ждать, позвал зевающего малыша:

— Мими.

Это прозвучало так неожиданно, что Цзин Мими вздрогнул. От зевка его глаза наполнились слезами.

Папа узнал его! Он знал, что папа узнает его, кем бы он ни стал.

Но он не мог ответить, не мог признаться, хотя отчаянно хотел закричать: «Да, это я, твой любимый котёнок Мими!» Кошачий Бог не просто предупредил его на словах — он наложил на него какое-то ограничение. Как бы сильно он ни хотел, он не мог раскрыть свою тайну.

Поэтому для Цзин Чжи малыш просто молча смотрел на него, как и раньше.

У Цзин Чжи перехватило дыхание.

— Ты Мими? — спросил он сухим, надтреснутым голосом.

Малыш не ответил. Он просто бросился ему в объятия.

Котёнок спрятал лицо.

Спустя мгновение он, словно ласкаясь, снова прошептал:

— Папа.

Когда сиделка вышла из ванной, Цзин Чжи ушёл туда с телефоном.

Фан Юань: [Ну что, проверил?]

Цзин Чжи: [Он не признался, но я чувствую, что это он. Я больше не буду спрашивать. Вспомнил одну хоррор-игру, там был такой сюжет: если дух признается человеку в своей сущности, он нарушит мировой порядок и исчезнет навсегда.]

Иными словами, он боялся, что Мими исчезнет, если он будет настаивать. К тому же, если бы Мими мог признаться, он бы уже давно это сделал. Он решил больше не допытываться и просто заботиться о малыше, как когда-то заботился о своём котёнке.

Фан Юань долго молчал. «Ты же сам понимаешь, что это всего лишь сюжет игры», — подумал он.

Кажется, его друг окончательно лишился рассудка...

Фан Юань: [Даже если это и одержимость, это же не может длиться вечно, правда?]

Цзин Чжи: [Кто знает. В другой игре, в которую я играл, ребёнок от испуга лишился души и стал овощем. Его тело занял дух и прожил за него его жизнь.]

Фан Юань: [...]

Он больше не хотел слышать об этих хоррор-играх.

Фан Юань: [Если его семью не найдут, ты что, собираешься его усыновить?] — сдался он.

Цзин Чжи: [Думаю, да.]

Он никогда не хотел детей, но если речь шла об этом малыше, он был не против. Как бы то ни было, сейчас он доверял ему больше всех на свете и называл его папой. Он не мог остаться равнодушным.

Фан Юань: [Тебе точно нужно к психотерапевту.]

Цзин Чжи посмотрел на своё отражение в зеркале. Кажется, он выглядел немного лучше, не таким безжизненным.

Цзин Чжи: [Разве плохо, когда есть то, что даёт тебе силы жить?]

Фан Юань не нашёлся, что ответить, но твёрдо решил, что как только Цзин Чжи выпишется, он сразу же отвезёт его к врачу.

Фан Юань: [Скинь мне номер палаты, я завтра загляну к тебе.]

Цзин Чжи не стал отказываться, отправил номер и, отложив телефон, начал умываться.

Когда он вышел, малыш уже свернулся калачиком на его кровати, а сиделка улеглась на соседней, молчаливо соглашаясь с тем, что сегодня ребёнок будет спать с ним.

Цзин Чжи бросил телефон на тумбочку и лёг с другой стороны. Он тоже устал. Целый день обследований, снимков, капельниц, оформления документов, а потом ещё и эти переживания с малышом. Стоило ему коснуться подушки, как навалилась сонливость. Было уже больше девяти, не так уж и поздно для молодых людей, но он вымотался.

Пара на соседней койке всё ещё смотрела сериал, но, увидев, что Цзин Чжи собирается спать, они приглушили звук и задернули штору.

Перед сном Цзин Чжи укрыл себя и малыша одеялом и погладил его по голове. Малышу это очень нравилось, совсем как Мими. Цзин Чжи решил, что завтра будет гладить его чаще.

Оттого, что папа узнал его и назвал по имени, Цзин Мими, хоть и не мог признаться, был так взволнован, что не мог уснуть. Папа и сиделка уже спали, а он лежал с широко открытыми глазами и, боясь потревожить папу, старался не двигаться.

Никто не знал, о чём думает маленький котёнок.

А маленький котёнок думал о папе и об их доме.

Прошло какое-то время, и вдруг на тумбочке завибрировал телефон. Цзин Мими вздрогнул, приподнялся и посмотрел на экран. Входящий звонок. Номер состоял из набора цифр, очень похожего на тот, что он видел на телефоне сиделки.

Папа заворочался, готовый проснуться от вибрации. Цзин Мими тут же сообразил: это плохой звонок, он мешает папе спать.

Маленькая ручка потянулась к экрану и нажала на кнопку. Вибрация прекратилась. Он не умел читать, но запомнил, что сиделка нажимала именно сюда, чтобы сбросить вызов.

Наконец-то стало тихо, папа не проснулся. Цзин Мими уже собрался лечь, как телефон снова завибрировал. Тот же номер. Плохой звонок.

Цзин Мими снова нажал на кнопку. Он думал, что на этом всё закончится, но стоило ему лечь, как вибрация повторилась.

Цзин Мими рассердился. Он сбросил вызов и теперь сидел, не сводя глаз с телефона. Как только экран загорался, он тут же нажимал на кнопку сброса. Котёнок действовал с молниеносной реакцией.

Он будет защищать сон своего папы. Никакие плохие звонки не посмеют его потревожить.

Так продолжалось довольно долго, пока телефон наконец не погас окончательно.

Тишина.

Цзин Мими с чувством выполненного долга лёг обратно, прижался к папе и закрыл глаза.

Засыпая, он видел сон. В этом сне были и большой папа, и маленький папа, и все они возвращались в свой дом.

В это же время Цзян Суйфэн, только что сошедший с самолёта, сел в такси до отеля и вставлял в телефон новую сим-карту.

После бесчисленных сброшенных вызовов холодный механический голос наконец сообщил:

— Извините, набранный вами номер выключен...

<http://bllate.org/book/13680/1212137>